

МАША ТРАУБ

Великолепная Ви

Москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т65

Трауб, Маша.

Т65 Великолепная Ви / Маша Трауб. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-248660-9

Юля знает: некоторые мужчины возвращаются не для того, чтобы остаться. Серёжа появляется внезапно — с шутками, нежностью и обещаниями, в которые так легко поверить.

Но у нее есть и другая жизнь: муж Степан, сын Кирилл и Виолетта Никандровна — блистательная, резкая, независимая женщина, чья память постепенно начинает угасать. Юля заботится о ней, как умеет: терпеливо, с юмором и почти без права на собственную усталость.

Между привычной семейной жизнью и несбывшейся мечтой Юля пытается понять: что важнее — верность или честность перед собой? Можно ли любить человека всю жизнь и все-таки научиться его отпускать? И где заканчивается забота о других и начинается собственная жизнь?

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248660-9

© Трауб М., текст, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

— Юлька, привет. Как дела?

— Привет, Сереж. Все хорошо. Ты у нас?

— Да, только что приехал. Есть что поесть?
Я зайду?

— Конечно.

Сколько раз так было за эти годы? Не так уж и много, если посчитать. Ну, раз десять, наверное. Я пожалела, что не вела дневник или хоть какие-то записи. У меня всегда с датами было плохо, а вот Сережка помнил все отлично, вплоть до числа и дня недели. Значит, у него опять что-то случилось, раз он вернулся. Когда все было хорошо, он мог пропасть — на два года, три. А потом вот так объявиться, словно мы расстались вчера.

Я встала к плите, чтобы пожарить картошку. Сережа ее всегда любил. Он уже звонил в дверь.

— Это кто? — из комнаты вышел Кирилл, снимая наушники.

— Дядя Сережа, — ответила я.

— А, — Кирилл пожал плечами.

— Открой, пожалуйста, — попросила я. — У меня картошка горит. Ужинать будешь?

— Буду, — буркнул Кирилл.

На пороге появился Сережа.

— Привет! — поздоровался он с Кириллом и протянул руку для рукопожатия.

— Здравсте, — ответил тот, быстро пожал руку и надел наушники.

— Кажется, я опять пролетел с подарком, — хохотнул Сережа, держа в руках коробку с точно такими же.

— Ага, — кивнул Кирилл и ушел в свою комнату.

Сережа зашел на кухню и обнял меня. Так обнимал только он — со спины, крепко. Мне всегда нравилось, когда он так делал — хотелось сразу же расслабиться, все отпустить, раствориться в его объятиях. Сережа вдруг разжал руки и цапнул со сковороды ломтик картошки.

— Это Кира? Когда он успел так вырасти? — спросил он, хохотнув. Забрал у меня вилку и стал есть прямо со сковороды.

— Сама не понимаю. Ему уже семнадцать, — ответила я, забирая у Сережи вилку.

— А сосиски есть? — спросил он.

— Сейчас будут, — я показала на лежащую на столе упаковку сосисок.

— Только ты знаешь, что я люблю, — улыбнулся Сережа.

Я подошла к холодильнику и достала банку зеленого горошка.

— Все, убила! — воскликнул Сережа. — Напомни, почему я на тебе не женился?

Он открыл банку и начал есть горошек прямо оттуда.

— Подожди две минуты, почти все готово, — улыбнулась я.

— Почему не сказала, что Кира так вырос? Я бы ему айфон новый купил! Или ударную установку. Или чем там он увлекается? — заявил Сережа, пытаясь руками вытащить из кастрюли сосиску.

— Не знала, когда ты появишься, — пожалала плечами я.

— Я тоже не знал, — ответил Сережа, не справившись с ловлей сосиски.

Я разложила на тарелки наш ужин. Позвала сына. Тот сел за стол и начал молча есть.

— Как у вас тут вообще? — спросил Сережа.

— Тоска, — буркнул Кирилл.

— Это понятно, а что еще происходит?

— Ни-че-го, — ответил Кирилл.

Я виновато улыбнулась. Кирилл доел и ушел в свою комнату.

— Извини, кажется, он пока не вышел из подросткового возраста, — заметила я.

— Здоровенный какой вырос. И в кого он такой? Ты его чем кормила? Пестицидами и гормонами роста? — Сережа подошел к плите и положил себе еще сосисок. Он был таким, каким я его помнила и любила, — бесконечно обаятельным, легким, веселым.

— Да, Степан тоже не был таким высоким. Может, кто-то из бабушек или дедушек? — пожала плечами я. Обычная материнская гордость — сын вырос высоким, спортивным, красивым. Точно не в меня и не в своего отца.

В свои семнадцать Кирилл выглядел взрослым. Да и вел себя как взрослый — самостоятельный парень, на удивление разумный. Я бы сказала, чересчур разумный и рассудительный. В этом он как раз был похож на своего отца — Степа тоже всегда считался спокойным, трезвомыслящим, от него никто не ждал никаких сюрпризов или выходов. В отличие от Сережи. Тот как раз здравомыслием никогда не отличался, а уж тем более в семнадцать лет. Если что-то происходило, можно было не искать виновного — это всегда был он. Пожар в школе, срыв контрольной, любое другое ЧП — все устраивал Сережа.

Однажды он умудрился протащить водку на школьную экскурсию и напоить всех

одноклассников, а еще учительницу и экскурсовода. Как ему это удалось, он так и не признался. Я помнила только фляжку с непонятным содержимым и пластиковую двухлитровую бутылку, из которой Сережа все время подливал во фляжку, смешивая таким образом коктейль. Кажется, эта фляжка или бутылка были неистощимым источником. Еще я помню, что нам было ужасно весело — мы все время хохотали. Даже учительница с экскурсоводом. Коктейль ему явно удался. Но дело было не в этом, а в том, что Сережа умел убеждать. Он обладал какой-то магией внушения, которая действовала абсолютно на всех.

После экскурсии мы вернулись в школу, где нас, абсолютно пьяных, при этом хохочущих, как ненормальные, встретила директриса. Мы ждали самой страшной кары, но происшествие замяли — все-таки сопровождающая нас молодая учительница химии еще долго страдала от похмелья, а экскурсовод, не сильно старше экскурсантов, и вовсе отравилась. Да и наш класс не мог сообщить ничего путного — все только твердили, что это была лучшая экскурсия в нашей жизни и она прошла просто отлично. Сережа умел пить, не пьянея. Или он только делал вид, что пил наравне со всеми? Он так и не при-

знался. Даже мне, хотя я его об этом миллион раз спрашивала. Только смеялся и радовался, если очередная устроенная им заварушка удалась.

Я невольно улыбнулась. Так было всегда, когда я вспоминала нашу юность, последний класс школы. Самое счастливое время, как потом оказалось.

— Вот, я принес вино. Красное. Ты ведь все еще предпочитаешь красное? — Сережа достал бутылку.

— Да, спасибо, откроешь? — Я передала штопор и достала бокалы.

— А водка у тебя есть? — спросил Сережа.

— Есть. — Я достала початую бутылку, которую держала в качестве антисептика — на случай, если потребуется делать уколы или компрессы.

Сережа налил мне вина, себе водки. Выпил сразу же, налил еще.

— У тебя что-то случилось? — уточнила я, хотя было понятно, что да, случилось. Иначе бы он не приехал. Да и не пил бы водку. Я впервые видела, чтобы Сережа пил одну стопку за другой.

— Да нет, все нормально, — пожал плечами он. — Приехал квартиру продавать. Вроде нашел нормального риелтора.

— Тебе нужны деньги? — удивилась я.

— Да нет, деньги есть. Просто хочу, чтобы все это закончилось. Чтобы уже не возвращаться, — ответил он и налил себе еще.

Я сделала глоток вина. Мне стало больно. Если Сережа продаст квартиру, ему и вправду незачем будет сюда возвращаться. Когда он приезжал? Когда что-то случалось. Как правило, у нас, у меня или у Виолетты Никандровны. Один раз, когда ему позвонил Кирилл, — я тогда сильно заболела. Потом — уже после смерти Виолетты Никандровны. Сережа всегда говорил, что у него все отлично, почти ничего о себе не рассказывал. Теперь он приехал продать квартиру. Значит, это конец истории, мы больше не увидимся.

Учитывая активность Сергея, квартиру он продаст быстро. Если ему что-то было нужно, он добивался своего в рекордные сроки. Квартиры в нашем городе не продавались годами, но я была уверена, что покупатели сами станут за ним бегать, умоляя продать побыстрее. Да, он был из тех, кто умеет продавать воздух. Так про него всегда говорила Виолетта Никандровна. Она не считала это достоинством, особым навыком или даром, скорее наоборот, великим разочарованием. Но на этом умении Сережа построил свою карьеру, прилично зарабатывал, так что не мне было его судить.

Я сделала еще глоток вина. Наверное, все к лучшему. Сколько это еще могло продолжаться? И так тянулось долго, слишком долго. Двадцать лет. С большими, огромными перерывами, когда мы не виделись. А потом все происходило так же, как сейчас, — Сережа вдруг приезжал, обнимал меня, и будто не было всех этих лет. Будто мы расстались утром и просто продолжаем разговор уже вечером.

Я смотрела, как Сережа ест. Седины в волосах стало больше. Появились морщины. Он опять располнел. Но чему я удивляюсь? Мы не молодеем. Я невольно посмотрела в зеркало — давно стоило сходить в салон и закрасить отросшую седину. Я быстро собрала волосы в пучок.

— Спасибо, что помогла разобрать вещи, — сказал Сережа. — Оставь себе все, что захочешь.

— Уже, — ответила я, показывая на коробку, стоявшую в углу кухни. — Там старые газеты с материалами Виолетты Никандровны. Я хотела отнести их в местную библиотеку для будущих поколений. Пусть дети учатся, как надо писать идеальные репортажи.

— Или чтобы поняли, что они совершеннейшие бездарности, — заметил Сережа. — И лучше сразу бросить это неблагодарное дело.

— Или постараться научиться, — улыбнулась я.

— Ты всегда была ее любимицей, — Сережа изобразил ревность.

— А ты был ее сыном. И считалось, что тебе передан ее талант, — парировала я.

— Только этот талант так и не раскрылся, — пожал плечами Сережа. — Очень сложно соответствовать, все время прыгать выше своей головы, зная, что никогда не превзойдешь собственную мать.

— А мы все тебе завидовали, — напомнила я.

— Ко мне она относилась как к ученику, причем очень заурядному, а к тебе — как к родной дочери.

— Я ее очень любила, — призналась я.

— Знаю, спасибо тебе за нее. И вообще за все. — Сережа меня обнял, но коротко. Как друга. Я это почувствовала и поняла, что все. Теперь уже окончательно все. Двадцать лет любви. И ни одного дня больше.

— Не за что. Мне нравилось проводить с ней время. Она меня всегда узнавала, стоило только зайти в квартиру. По шагам, по тому звуку, как я открываю дверь ключом. А Кирилл с тобой путала. Называла Сережей. А иногда считала, что Кирилл — наш с тобой сын, ее внук, и спрашивала, когда мы наконец поже-

нимся, — улыбнулась я, вставая к раковине, чтобы помыть посуду.

Кажется, именно в тот момент я окончательно избавилась от наваждения, от своей любви, от всех этих лет. Только пока не понимала, как без этого жить.

— Прости, что я редко приезжал, — сказал Сережа, собирая со стола грязные тарелки.

— У тебя работа, семья, — пожала плечами я.

— Опять не сложилось, если что, — объявил Сережа.

— Мне жаль, — пожала плечами я. — Это уже какой твой брак по счету? Третий? Четвертый?

— А мне нет. Не стоило вообще жениться. Видимо, не гожусь я для брака и семейной жизни, — хмыкнул Сережа.

— Виолетту Никандровну это всегда беспокоило. Она ждала внуков, — заметила я. — Она хотела, чтобы ты был счастлив в личной жизни.

— Да, и всегда твердила, что свое счастье упустил много лет назад. Что был бы счастлив только с тобой, — кивнул Сережа. — Нет, она говорила, что ты могла бы «составить мне счастье, согласившись на брак». — Он рассмеялся. Да, именно так и могла выразиться Виолетта Никандровна. «Составить счастье».

— Ну, теперь мы уже этого не узнаем. Слишком много времени прошло. Что ты собираешься делать с книгами? — спросила я, чтобы сменить тему. Мне все еще было больно. Я приняла, что наша история с Сережей закончилась, но не могла переключиться вот так, сразу. Все еще чувствовала его руки, когда он меня обнял. Меня может оправдать только то, что все эти годы я его любила. И, откровенно признаться, ждала и на что-то надеялась. На что? На счастливую семейную жизнь. Я отчего-то внушила себе, что Сережа устанет от столицы и вернется домой, ко мне. И мы будем жить спокойно и счастливо. Вот такая идиотская мечта меня преследовала все эти двадцать лет. — Перевезешь книги в Москву? Только не сдавай их в букинистический отдел. Там есть издания, которыми Виолетта Никандровна очень дорожила. Иначе она тебя проклянет. — Я пыталась шутить.

— Нет, даже не думал. Мне пока некуда перевозить. Живу на съемной квартире. Надеюсь, что ты у себя пока поддержишь. Если можно, конечно же, — ответил Сережа.

Я опять забыла, что у него не было собственного жилья в столице. Он переезжал из квартиры одной жены в квартиру к другой. А между браками или снимал, или жил в гостинице. Говорил, так проще.

— Вот возьму и однажды вернусь сюда. Может, на пенсии, — пошутил Сережа. — Организирую школу юного журналиста и буду мучить детей. Пойду по стопам матери.

Тогда с чего вдруг он решил продать квартиру? Все-таки это был его родной дом, в котором он вырос, хоть и стремился из него побыстрее сбежать.

— Да, книги можно и сюда перевезти. Но ты точно решил продавать квартиру? — уточнила я.

— Ты с какой целью интересуешься? — рассмеялся Сережа. Я поняла, что большего от него не добьюсь. Если он не хотел о чем-то говорить, было бесполезно его расспрашивать. Он всегда переводил все в шутку, уводил разговор в сторону.

Да, он прекрасно знал, что я часто ночую в квартире Виолетты Никандровны. Когда она стала совсем плоха, я туда переселилась. А после ее смерти разбирала вещи и бумаги. И мне было быстрее добираться до работы из ее квартиры, чем из своей. После тяжелых дежурств я шла к ней, чтобы отоспаться. Домой ехать не оставалось никаких сил. Иногда даже готовила на кухне Виолетты Никандровны, отвозила контейнеры с едой Кириллу и потом опять ехала на работу. Если честно, я не мог-

ла бы ответить на вопрос: какая квартира мне роднее — своя собственная, доставшаяся после смерти родителей, или квартира Виолетты Никандровны, где мне было спокойно и уютно. Кирилл давно привык, что я живу между двумя домами и больницей, так что принял все как есть. Он рос разумным парнем, я за него не беспокоилась. Наоборот, он чувствовал себя хозяином у нас, а я вроде как присматривала за квартирой Виолетты Никандровны.

— Ты лишишь меня крова, — улыбнулась я.

— Ты, вообще, как сама? — спросил Сергей.

— Нормально, работаю, — пожала плечами я.

— Деньги нужны?

— Нет, спасибо, нам хватает.

— Хорошо, — кивнул Сергей.

— Хочешь сходить к Степану? — спросила я. — И к маме?

— Да, конечно. Я тут неделю точно пробуду. Сходим.

Сергей ушел. Я мыла посуду и думала, что все могло сложиться не так. Или, наоборот, все сложилось именно так, как должно было. А еще я знала, что Сергей не пойдет на кладбище, если я не напомню, почти потребую это сделать. Ни к Степе, ни к маме. Даже по-